

УДК 316.74:281.93

С.В. Рязанова,*доктор філософських наук, старший науковий співробітник
Пермського наукового центру УрО РАН***Е.А. Зубарева,***студентка НІУ «Вища школа економіки»
Пермський філіал***МЕТОДИ ІСЛЕДОВАНИЯ РПЦ В ПРОВІНЦІИ:
ПРОБЛЕМИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статті розглядаються і аналізуються існуючі методи вивчення релігійності в провінції. Об'єктом дослідження стало пермське православ'я. При вивченні рівня православної релігійності в Прикам'ї дослідник стикається з рядом проблем: складність вивчення в історическій ретроспективі, мультикультурність регіону, складність дослідження побутової релігійності як важливого показателя. З цього випливає, що дослідження пермського православ'я повинно стати комплексним аналізом специфік вивчаємого феномена.

Ключові слова: православ'я, регіон, РПЦ, пермське православ'я, конфесійна ідентичність, етнос, кількісні та якісні методи, включене спостереження, побутова релігійність.

Православ'я як релігійна система, основа світоглядання і образу життя ніколи не втрачає актуальності для тих країн, в яких воно на протязі довгого історического періоду являлось домінуючим вектором розвитку духовної культури. Сраховуюсь з автохтонними формами віровань, трансформуюсь під впливом раніше сформованих традиційних культур, розповсюджуюсь на території Євразії з різною глибиною проникнення, східне християнство оказало значительне впливання на соціокультурне пространство. При цьому недопустимим представляється утвердження о гомогенності сформованої православіем культурної общності – не тільки на рівні всього світового співтовариства віруючих, но і в межах окремих державств. В ході територіального розповсюдження і історическої еволюції виникло значительне кількість локальних варіантів православія, специфіка яких склали під впливом місцевих культурних форм, во многу визначають специфіку міжцивілізаційного і віроувірливого синтезу.

Поскольку применительно к культурному пространству мы не можем говорить о некой идеальной модели православія как совокупности догматических и культовых характеристик в сочетании со спецификой образа жизни общности, то в вивченні історически складуючогося і сучасного православія найбільш привабливим в дослідницькому плані представляється регіональний аспект. В його межах існує більше можливостей для верифікації розроблюємої концепції при допомозі конкретного емпірического матеріала, а також прослідкування синхронних і діахронних зв'язей для такого соціального феномена, як релігійність. Урахування регіональних особливостей допомагає не тільки більш ретельно зафіксувати характерні риси, но і встановити історико-культурні і соціально-психологіческі фактори складуювання локального варіанта релігійної системи. Дослідження регіональних варіантів існування релігійної сфери допомагає отойти від представлень о релігії і релігійності як неких стійких соціальних моделях, допустимих к примененію вне учета історического і географіческого контекста і набору факторів об'єктивної і суб'єктивної природи, показати багатство конфесійної картини країни і складність протікаючих в її межах процесів. Прикам'яє як поліконфесійний регіон з достаточо довгим історическим періодом існування допускає широкий спектр варіантів проведення досліджень і компаративістського толка, дозволяючих вивести закономірності буття релігійності в культурі і логіки її трансформації

на современном этапе истории. Проведение комплексного анализа православия как вероисповедного и культурного феномена оправдано тем фактом, что с XVI в. пермская земля представляет собой поле православной жизни, начавшейся с деятельности пришедших вслед за землепроходцами миссионеров, интенсивной, и даже агрессивной, христианизации местного населения и вылившейся в формирование мощной системы институтов, структурировавшей религиозную жизнь сообщества верующих до 1917 г. и продолжающей осуществлять интенсивное влияние на сознание общества и индивидов.

Мы полагаем, что Русская православная церковь на региональном уровне обязательно должна быть рассмотрена в совокупности всех исторических и культурных взаимосвязей, как община и общественный институт, основанные на воспроизведении сложившихся традиций и укорененные в истории местности, в границах которой они существуют. Это обстоятельство обуславливает необходимость глубокого исторического экскурса, с использованием имеющихся архивных и музейных фондов. В отношении Пермского края необходимостью осуществления такого исследования подкрепляется фрагментарность тех аспектов истории Русской православной церкви в регионе, которые уже были рассмотрены местными исследователями. Обращение к региональному материалу большей частью местных ученых обусловлено рядом обстоятельств объективной природы: поскольку перед исследователем «со стороны» встает проблема доступности имеющегося материала – от еще не оцифрованных материалов музейных, библиотечных и архивных фондов, не попадающих поэтому во внерегиональный доступ, до разного рода социальной информации, сбор которой осуществляется благодаря анкетированию, включенным наблюдениям, экспертным интервью, что требует длительного присутствия исследователя непосредственно в регионе. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в течение достаточно длительного исторического периода в Пермскую епархию входило не только Прикамье, но и значительная часть территории Урала, что требует обращения к архивам Свердловской области.

Наличие огромного объема фактического материала при отсутствии сложившейся научной школы по изучению местного православия создает угрозу превалирования краеведческого акцента в рассмотрении исследовательской проблемы. До 1990г. исследовательская функция частично осуществлялась на уровне работ Уполномоченного Совета по делам религий по Пермской области. Несмотря на управленческий уклон, идеологические установки и прагматический подход в решении большинства вопросов, находящиеся в архивах ежегодные отчеты, детальный разбор возникающих в конфессиональной среде ситуаций, аккуратный сбор информации при помощи включенных наблюдений на богослужениях дают возможность для формирования очень наглядной, о многом свидетельствующей православной жизни Прикамья. Впрочем, начиная с середины 1960-х гг. на основе имеющихся архивных данных можно проследить падение качества получаемой и обрабатываемой информации, формализм в подходах при оценке особенностей религиозной ситуации, сужение поля для наблюдений, снижение качества социологической работы. Критической точкой стал 1990 г., характеризовавшийся отсутствием сводного отчета по православной обрядности и минимумом социологических данных – в противовес тому обстоятельству, что православная жизнь региона как раз начала набирать обороты, становясь все более значимым явлением культурной жизни.

Отчасти ситуация неизученности Русской православной церкви в Прикамье начала преодолеваться с конца прошлого века. В настоящее время уже имеется целый спектр популярных и научных работ, как правило, посвященных частным проблемам, либо отдельным периодам развития пермского православия [9, 20-22]. Среди работ фундаментального характера хотелось бы отметить тексты М. Г. Нечаева [19], А. Н. Марченко [13-16], В. В. Лавринова [11, 12], П. Н. Агафонова [1-7], сделав также акцент на конфессиональной ангажированности части упомянутых работ. Снятие идеологического давления своей обратной стороной имело рост числа исследований, в которых чрезмерно акцентировался ряд аспектов религиозной жизни региона и страны, в том числе, и в отношении Русской православной церкви. К тому же, практически все упомянутые работы посвящены историческим аспектам пермского православия: на настоящий момент нет ни одного

научного труда социально-гуманитарной направленности, рассматривающего специфику местной православной традиции, особенностей функционирования соответствующих религиозных институтов и динамики сообщества верующих, эволюции православной мифологии – применительно к постсоветскому периоду истории.

На данный момент имеется только одна работа, которую можно считать своеобразным «пилотным» проектом – исследование женской религиозности Пермского края в 2007-2008 гг., проведенное Институтом философии и права Уральского отделения РАН, в рамках которого проводилось анкетирование представительниц православного вероисповедания [23]. Поскольку общепризнанным является факт наличия у современной религии «женского лица», полученные данные можно считать основанием для дальнейшего исследования современного пермского православия.

В гуманитарных дисциплинах в последнее время накопился успешный опыт сочетания методик количественного и качественного анализа социокультурной действительности. На первый взгляд, сравнительно простыми в использовании являются количественные методики, применение которых в наибольшей степени зависит от наличия команды добросовестных наблюдателей, программ обработки информации, установок по наблюдению и грамотно сформулированного гайда. Вместе с тем, определение необходимого количества собранных анкет начинается с установления генеральной совокупности, на основе которой рассчитывается объем репрезентативной выборки. Именно определение границ совокупности православных верующих, по нашему мнению, создает ряд сложностей.

Наиболее простым способом для неискушенного исследователя предстает использовать для расчета данные об этноконфессиональной картине региона, тем более, что они вполне доступны. Приводимая таблица дает наглядную информацию по многообразию этносов и конфессий Пермского края (на тот момент – Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) на 2002¹. Использование сравнительно давних данных объясняется тем, что по результатам переписи 2010 г. на данный момент имеется только более сжатая информация. На настоящий момент известно, что в Пермском крае наиболее многочисленные национальности представлены русскими, численность которых составила 2191,4 тыс. человек (83,2% среди лиц, указавших национальную принадлежность), татарами – 115,5 тыс. человек (4,4%) и коми-пермяками – 81,1 тыс. человек (3,1%). Также в Прикамье проживает 32,7 тысяч башкир (1,2%), удмурты в общей численности составляют 0,8% (20,8 тысячи), украинцы – 0,6% (16,3 тысячи человек), белорусы – 0,2% (6,6 тысячи), немцы – 0,2% (6,3 тысячи), чувашаи – 0,2% (4,7 тысячи) и марийцы составили 0,2% (4,1 тыс. человек). На другие национальности, не перечисленные выше, приходится 1,4% (36,2 тыс. человек) [10]. Очевидно, что принципиальное соотношение этносов-носителей православного сознания – по формальным критериям – не изменилось. Совокупность представленных этнических групп как раз и должна стать основой для определения границ генеральной совокупности.

Таблица 1

Численность представителей этнических групп, исповедующих православие

Национальность	Общая численность	Из них русскоязычные
Алеуты (прав. + шам.)	1	1
Алтайцы (прав.+ шам.)	29	29
Белорусы (прав.)	11 661	11 644
Бесермяне (прав.)	8	8
Болгары (хрис.)	517	517
Буряты (прав. + шам.)	110	110

¹ Данные переписи населения 2002 г. по Пермскому краю - См. [17].

Вепсы (прав.)	6	6
Гагаузы (прав.)	203	202
Греки	398	398
Грузины (прав.)	1 613	1 596
Аджарцы (прав. + исл.)	2	2
Сваны (прав. + исл.)	1	1
Долганы (прав.)	1	1
Карелы (прав.)	125	125
Кеты (прав. + шам.)	1	1
Юги (прав. + яз.)	1	1
Коми (прав. + стар.)	1 214	1 212
Коми-пермяки (прав. + стар.)	183 832	179 702
Коряки (прав. + шам.)	4	4
Манси (прав. + яз.)	31	30
Марийцы (прав.)	5 438	5 374
Горные марийцы	22	22
Лугово-восточные марийцы	180	180
Молдоване (прав.)	2 073	2 037
Мордва (прав.)	2 395	2 391
Мордва-мокша (прав.)	16	16
Мордва-эрзя (прав.)	8	8
Нагайбаки (прав.)	6	6
Нанайцы (прав. + шам.)	5	5
Ненцы (прав.)	23	23
Нивхи (прав. + шам.)	20	20
Орочи (прав. + шам.)	4	4
Осетины (хрис. + исл.)	446	446
Осетины-дигорцы (хрис. + исл.)	1	1
Румыны (прав. + кат.)	96	93
Русины (прав.)	1	1
Русские	2 453 605	2 449 666
Русские казаки	75	75
Русские поморы (прав. + стар.)	2	2
Саамы (прав.)	1	1
Сербы (прав.)	45	42
Татары-кряшены (прав.)	24	24
Тофалары (прав. + шам.)	3	3
Удмурты (прав.)	26 471	26 282
Украинцы (прав.)	25 979	25 953
Ульчи (прав. + шам.)	3	3
Хакасы (прав. + шам.)	42	42

Ханты (прав.)	27	27
Цыгане	1 606	1 541
Чуваши (прав.)	7 124	7 117
Чукчи (прав. + шам.)	3	3
Шорцы (прав. + шам.)	16	16
Эстонцы-сету (прав.)	1	1
Юкагиры (прав. + шам.)	2	2
Якуты (прав.)	43	43

Обратим внимание на тот факт, что определить границы генеральной совокупности на основе этнической идентичности абсолютно строго – невозможно. Даже если оставить в стороне проблему того, насколько самоидентификация гражданина соответствует внешней идентификации этнической принадлежности и для простоты подсчета исключить те этносы, представители которых исчисляются единицами и не определяют этническую картину края, остается проблема того, насколько правомерно жесткое взаимозакрепление этнической и конфессиональной идентичностей. Во-первых, часть этносов, как видно из таблицы, исповедует – по тем же формальным критериям и уверенности исследователей – как минимум два учения (и очевидно, что сборщики информации проигнорировали и тот факт, что есть еще и так называемые «новые религии», достаточно популярные и не связанные с этнически обусловленной традицией). Те же болгары в большинстве своем исповедуют христианство по восточноправославному образцу, но это не означает, что речь идет именно об учении, принятом Русской православной церковью. Требуется специальный аспект исследования по поводу того, состоят ли болгары на Урале в каноническом общении с РПЦ, либо, возможно, являются ее прихожанами. Открытым остается вопрос о вероисповедании местных цыганских сообществ. В среде марийцев, как известно, очень сильны так называемые «языческие» верования. Каким образом в границах этих народов определить долю православных, для стороннего исследователя неясно, что затрудняет подсчет количества православных в крае. Установление численности православных верующих в крае также требует оговорок, что речь в исследовании идет только о тех, кто признает себя исповедующим православное учение в границах канонических норм, определенных РПЦ МП, поскольку при более широком рассмотрении в рамки православного сообщества обязательно должны быть включены старообрядческие толки как инварианты учения восточного христианства.

При расширении границ исследования русского православия до общины, включающей в себя всех верующих христиан восточного образца, отдельной проблемой становится помещение в эти границы групп, идентифицируемых исследователями как «новые религии», но считающих себя носителями «фундаментального» православного христианства. Для Пермского края такими стали пятидесятническая церковь «Свет Истины» и неохристианское объединение «Семья Божия». Руководители первой организации в своих интервью указывают на свою духовную близость старообрядческой Церкви, с которой старается активно сотрудничать на уровне изучения священной литературы часть общины второй организации. Термин «фундаментализм» в данном случае лишен трактовки, связывающей его с консервативными религиозными течениями, и указывает лишь желание представителей упомянутых религиозных общин указать на исконный характер исповедуемого учения. Очевидно, что применительно к этим религиозным организациям речь не может идти о новых инвариантах православного учения, которое, тем не менее, скорее всего, все-таки оказало значимое влияние на формирование идеологии этих групп, что не снимает проблемы конфессиональной идентификации для исследователя.

Во-вторых, в переписях давно отсутствует вопрос о наличии вероисповедания любого рода, что в принципе ставит вопрос о том, насколько правомерно рассматривать, допустим, всю совокупность русского населения как православную. В эпоху постмодернистских

ценностей (индивидуализм, профессионализм, самореализация), эмансипации женщин, гендерной революции, все возрастающей мультикультурности обществ отдельно взятому индивиду приходится корректировать свои традиционные ориентации, создавая собственную модель взаимоотношения с окружающим миром. в том числе и в отношении вопросов веры. Индивид может считать себя верующим, но актуализировать уверенность только в момент участия в интервью или заполнения анкеты. будучи абсолютно равнодушным к вопросам веры в быту. Религиозные чувства могут актуализироваться в определенные моменты жизни, будучи связаны как с событиями коллективного (социального) гезеца (религиозные праздники и околорелигиозные мероприятия) и индивидуальной природы (трагические события, экзистенциальные кризисы). Гражданин также может считать себя православным в соответствии с собственными мировоззренческими установками, которые способны минимально совпадать с учением и социальной позицией православной Церкви, либо исповедовать самостоятельное сконструированное учение эклектического характера. При этом его участие в обрядности может быть незначительным, спорадическим, в принципе не иметь места. В этом случае самоидентификация индивида не будет совпадать с идентификацией со стороны конфессионального ангажированных и независимых экспертов, что ставит проблему приоритета критериев оценки религиозной идентичности. Поэтому одной из задач мониторинга и анализа Русской православной церкви в Прикамье является определение базовых компонентов православной идентичности верующих, их поведенческих особенностей и мотивации, определяющих специфику социального поведения.

Помощь в определении количества верующих могли бы оказать данные, непосредственно связанные с функционированием РПЦ на территории края, но в данном случае придется ограничиться только данными о количестве приходов, наличии в краевом центре и крае храмов – функционирующих, реставрируемых и строящихся, а также факт присутствия православных институций (катехизаторские курсы, братство Стефана Великопермского). Все обозначенные параметры являются сугубо формальными, не указывая на интенсивность религиозной жизни, уровень воцерковленности верующих и особенности их самоидентификации. Статистические данные, имеющиеся у РПЦ – по крайней мере, могущие стать предметом публичного рассмотрения, – крайне ограничены. Помимо бухгалтерского учета оплаты треб ведется еще подсчет причастников, что может служить лишь косвенным указанием на число посетивших конкретный храм и практически ничего не говорит об особенностях религиозной жизни края. Высокая степень корпоративной солидарности и закрытости для внешних контактов в сочетании со страхом санкций свыше в случае негодных отзывов о внутренних структурах и принципах функционирования Церкви, характерные для представителей православного клира, также не способствует прояснению представлений о реальном числе прихожан РПЦ. Отчасти нежелание сделать информацию о прихожанах публичной связано и с проталкиванием идеи того, что православие неразрывно связано с рускостью как этничностью, и с претензиями на роль духовного лидера, выразителя мировоззренческой позиции абсолютного большинства граждан.

Поэтому отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что является основополагающим критерием исследовательского включения человека в сообщество верующих, позволяющего осуществлять анализ на основе использования методик количественного подсчета. Количественные методы оказываются оправданными лишь в том случае, когда имеющиеся достоверные статистические данные могут быть сочтены с результатами собственных исследований (например, допустим расчет посещаемости храмов в Перми и крае в виде процентного соотношения количества всех посещающих к числу постоянно проживающих в регионе). Нам представляется, что состояние православных общин в границах края должно коррелировать с тремя типами населенных пунктов – краевой центр как мегаполис, районные центры, сельские поселения. В качестве объектов сбора количественной информации применительно к краевому центру должны быть использованы не только собственно городские приходы, но и те, которые относятся к поселкам и деревням, фактически входящим в городскую черту, поскольку мы полагаем, что в этом случае имеем дело с городским населением, только значительно удаленным от центра мегаполиса.

Сложности технического характера могут возникнуть в ходе проведения включенных наблюдений. Первой проблемой может стать одновременность замеров во всех храмах

города и края, связанная не столько с наличием команды наблюдателей, сколько с режимом проведения служб. Связано это с наличием некоторого числа храмов, которые либо не проводят ежедневные служения, либо по внутренним причинам исключают часть служб из недельного списка (например, субботнюю или воскресную литургию). В некоторых храмах проводят только наиболее значимые службы. В будние дни служения крайне редки и проводятся, чаще всего, по значимым поводам (например, в церковь привозят чудотворную икону). Получается, что есть возможность отследить только показатели по службам в выходные дни и праздники, когда активность верующих возрастает. В настоящее время пока не получается классифицировать такие храмы с «неполной занятостью», чтобы сделать заключение о динамике их посещаемости, по причине разнородности информации.

Еще одной проблемой включенного наблюдения является их осуществление в небольших храмах, характерной чертой которых следует считать так называемую камерность. Большой, центрального расположения храм, особенно в выходные и дни праздничных богослужений, предстает проходным местом, где некоторый промежуток времени находится до 500 человек, что не дает возможности особого контроля посетителей. В периферийных городских и обычно небольших сельских храмах из-за ограниченного числа постоянных посетителей, в-первых, новый человек сразу привлекает внимание, а во-вторых - складывается группа актива, своеобразный «костяк» общины. Эта группа состоит в большинстве своем из «бабушек» - женщин старшего возраста, которые в качестве особой группы прихожан уже не раз становились предметом внимания социологов религии [8]. Именно благодаря этой группе прихожан сохранилась преемственность в передаче опыта православной жизни - не только на территории Пермского края, но и повсеместно в стране. «Бабушки» справедливо претендуют на роль транслятора основных принципов и норм поведения верующего - не как детально воспроизводящих канонически обусловленные нормы, а основанных на традициях регионального православия. Мы не согласны с Л. С. Астаховой в том, что данная группа верующих распространяет искаженный вариант православной традиции. Неверное истолкование канонических правил и мифологизация священных текстов и связанных с ними обрядов в большей степени говорят об отсутствии в конфессиональной реальности некой идеальной модели православия, что компенсируется наличием локальных вариантов, испытавших воздействие мифологических форм, местных традиций и индивидуального мифотворчества.

На момент проведения службы такие прихожанки могут выступать в роли помощников-организаторов, регулируя действия прихожан. По нашим наблюдениям, эта группа почти не оказывает влияния на околокультурную жизнь и посещение прихожанами больших храмов, зато не сдает свои позиции в небольших. Чаще всего они посещают все службы и чувствуют себя в церкви комфортно, «по-хозяйски». «Церковные бабушки», вне факта осуществления исследования, являются своеобразной проблемой для самой РПЦ, поскольку нередко отталкивают своими комментариями и наставлениями тех людей, которые пришли в храм впервые. Фактически эта группа людей осуществляет легитимацию пребывания новичка в пространстве храма, потому что с каждым новым посещением «бабушки» становятся все благосклоннее: если в первую службу они могут за спиной пошептать, сказать, что посетитель поступает неправильно, неверно одет и не так молится, то в следующие посещения, в аналогичной ситуации, они более благосклонны. Для наблюдателя «бабушки» являются проблемой, поскольку сразу идентифицируют нового человека, определяя, знает посетитель церковные правила/ традиции/ обряды или нет. Именно поэтому невозможно оставаться незамеченным и исследователю необходимо полностью «вливаться» в обстановку и выполнять все правила богослужения.

Для использования количественных методик предполагается, что в качестве эмпирического объекта для анкетного опроса и проведения совокупности включенных наблюдений должны браться верующие, сигнализирующие о своей религиозности в любой из форм ее проявления (номинальная религиозность). Генеральная совокупность православных верующих должна будет рассчитываться путем сопоставления данных

переписей и показателей соцопросов об уровне религиозности среди населения [24–27]²: соотношение процента верующих граждан с количеством тех, кто считает себя православным, – и полученные в результате данные количественного характера будут использованы только как взаимодополняющие, одновременно с «качественными» методами обработки информации.

Как известно, качественный подход несет в себе объяснение мотивов, действий и намерений через коммуникативное взаимодействие с субъектом. Предполагается, что использование такого подхода в исследовании компенсирует «безликость» количественных методик. Сочетание количественного и качественного методов должно способствовать описанию не только фактов религиозных ориентаций, самопрезентации в обществе, но и процессов их генерирования, с учетом субъективных ощущений и интерпретации жизненного контекста индивида. Поскольку, как уже упоминалось, мы исходим из принципиальной гетерогенности современного сообщества верующих и конструктивистской природы религиозности в индустриальном и постиндустриальном обществе, учет психологических факторов должен способствовать установлению факторов, способствующих эволюции православного сознания в регионе в частности и в стране в целом.

Использование качественных методов предполагает наличие у исследователя элементов герменевтического вживания по отношению к анализируемому объекту, в нашем случае – православному верующему Пермского края. Мы полагаем, что получение достоверной информации об индивидуальном религиозном опыте, составляющем основу религиозности человека, невозможно вне использования принципа эмоционального «сопереживания» мотивационным причинам индивида. Сложно структурированное субъективное поле не поддается простому сопоставлению гипотез для понимания происходящего. Поэтому необходимо дополнение данных, полученных в результате анкетирования, фиксирующих факты, создающих основной массив формальных данных, определяющих общие тенденции развития религиозной системы, с методом полуструктурированного интервью. Он в значительной мере позволяет вскрыть психологические мотивы поведения, понять причинно-следственные связи, представить механизм принятия решений в повседневной жизни со всеми сложностями и сомнениями. В связи со спецификой темы исследования такой метод качественного анализа как нарративное интервью не может быть реализован из-за невысокой степени эффективности. Практика показала, что интервьюируемые часто сбиваются, отклоняются от темы, поэтому необходимо периодически уточнять детали рассказа, направляя его в нужное русло (религиозный опыт рассказчика, политические ориентации и т.д.). Вторая немаловажная причина выбора формы интервью заключается в том, что опыт религиозного в восприятии информанта остается достаточно абстрактной темой: ему сложно даже интуитивно выделить его компоненты, структуру, поэтому основная информация черпается в процессе уточнений и распросов, а не в самостоятельном рассказе респондента. Полуструктурированный характер интервью гарантирует получение информации в нужном содержательном ключе и сопоставимость материала при анализе.

Смысловые структуры интервьюируемого, лежащие в основе поведения интериоризированные нормы и усвоенные принципы поведения могут быть дополнительно верифицированы путем перекрестного анализа ответов, полученных в результате анкетирования и через наблюдение повседневного поведения в различных ситуативных контекстах. Вне учета субъективных данных такого рода любое исследование религиозного феномена будет иметь поверхностный, формальный характер. Полученные в ходе индивидуальных интервью с представителями религиозной элиты и рядовыми верующими обязательно должны быть дополнены и экспертными интервью со специалистами-религиоведами, представителями органов власти, данными средств массовой информации.

На региональном уровне феномен религиозности, религиозной идентичности и способов ее выражения остаются пока слабо изученными, поскольку религиозная социализация во многих общинах – и особенно вне их – осуществляется на бытовом уровне, стихийно, без весомого влияния и участия соответствующих институтов, в некоторых случаях как сугубо

² Суммарная численность населения в Пермском крае с учетом среднего и верхнего порогов религиозности населения (66% и 91%) на территории Российской Федерации. – См. [18].

интровертивное действие. Поэтому содержание усваиваемой в этом процессе информации может корректироваться, частично оставаться скрытым, реализовываться внешне в весьма причудливых формах культового и внекультового поведения. Соответственно, и совокупность основных компонентов религиозной идентичности в каждом конкретном случае (речь идет и об общине, и об индивидуе) имеет свою наполняемость. Поэтому мы считаем необходимым при рассмотрении всей совокупности православного пространства края учитывать и проявления так называемой бытовой религиозности, основой которой становится местная православная мифология. Ее специфика определена как автохтонной основой и взаимодействием с производственной (горнозаводской) мифологией, так и сильным влиянием православной догматики и норм культового поведения, вместе продуцирующих особый, современный вариант религиозной мифологии – гетерогенной, экспансивной в культурном пространстве и постоянно актуальной. Мы утверждаем, что вне учета роли православной мифологии и бытовой религиозности невозможно дать полную картину православия как религиозной системы, неразрывно связанной с функционированием других сфер культуры. К тому же, бытовая религиозность является более динамичной формой реализации религиозного опыта, наиболее ярко отражающей настроения и ожидания рядовых верующих, формы и способы отношения к сакральному, что дает возможность сделать срез актуальной конфессиональной ситуации в регионе, дать ей более точную оценку состояния и прогноз дальнейшего развития.

Таким образом, проект исследования пермского православия должен осуществляться как комплексный анализ не только существующего феномена конфессионального пространства, но и через соотнесение существующих синхронных и диахронных связей данной религиозной системы с другими феноменами культурного континуума. Наиболее плодотворным в процессе изучения представляется подход, учитывающий не только региональную специфику рассматриваемого явления, но и представляющих местную православную традицию как гетерогенную, динамичную картину, функционирующую в теснейшей зависимости - как от логики развития коллективного сознания, так и с учетом аббераций его индивидуальных форм, в историческом и современном аспектах.

Литература:

1. Агафонов П. Н. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. 2-е изд., доп. Пермь: Изд-во Перм. Петро-Павловского собора, 1996. 71 с.
2. Агафонов П. Н. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь. Пермь: Звезда, 1996. 82 с.
3. Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1918 - 1928 гг. Перм. Петропавлов. собор. Пермь, 1997. 66 с.
4. Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1928 - 1965 гг. Век государственного атеизма. Часть вторая. Перм. Петропавлов. собор. Пермь, 1997. 75 с.
5. Агафонов П. Н. Епископы Пермской Епархии 1928 – 1966 гг. Век государственного атеизма. Часть вторая. Перм. Петропавлов. собор. Пермь, 1997. 39 с.
6. Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии. 1918—1928 гг. Перм. Петропавлов. собор. Пермь, 1997. 39 с.
7. Агафонов П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920- 1929 гг.: На материале Пермской епархии: дис... канд. ист. наук : 07.00.02. Пермь, 2002.
8. Астахова Л. С. Бабушки в православных приходах // Социология. 2006. № 1. С. 59 – 62.
9. Вяткин В. В. Пермские архиастыри-новомученики. Пермь, 2000.
10. Данные переписи населения 2010 г. по Пермскому краю. // URL: <http://perm.bezformata.ru/listnews/perepisi-naseleniya-2010g-po-permskomu/2685141/> (Дата обращения -- 07. 03. 2014)
11. Лавринов В. В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале. (1922-1945). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2007. 308 с.
12. Лавринов В.В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 335 с.
13. Марченко А. Н. Епископы Пермской епархии эпохи «хрушевских гонений» на Русскую Православную Церковь (1958-1964 гг.): очерки церковно-государственных отношений. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011.

14. Марченко А. Н. Защитник Отечества и Веры Христовой: Жизнеописание подвижника Православной веры Александра (Толстопятова), архиепископа Молотовского (Пермского) и Соликамского. Пермь: «Астер», 2005

15. Марченко А., прот. «Хрушевская церковная реформа»: Очерки государственно-церковных отношений (1958-1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007.

16. Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С.Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во: Общество любителей церковной истории Крутицкого подворья, 2010.

17. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls (Дата обращения 03.09.2007)

18. Население по полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31> (Дата обращения: 21.11.2010)

19. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917-1922. Пермь : Изд-во ПГПУ, Изд-во УрГУ, 2004. 335 с.

20. Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18-20 апреля 2010 г.). ИИА УрО РАН, Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010.

21. Прикамский народный Собор памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2009.

22. Прикамский народный Собор памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2013.

23. Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011.

24. Сколько и какие верующие есть в России. URL: <http://newchristianity.ucoz.ru/news/2009-07-27-34> (Дата обращения: 21.11.2010)

25. Тарусин М. Исследование «Религия и общество». URL: http://www.religare.ru/2_35081.html (Дата обращения: 21.11.2010)

26. Терентьев Д. Кто такие «настоящие» и «ненастоящие» верующие. URL: http://www.religare.ru/2_22953.html (Дата обращения: 21.11.2010)

27. Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/StatReligio_FilLunk (Дата обращения: 21.11.2010)

Рязанова Светлана, Зубарева Катерина. Методи дослідження РПЦ у провінції: проблеми і перспективи
У статті розглядаються та аналізуються існуючі методи вивчення релігійності в провінції. Об'єктом дослідження стало пермське православ'я. При вивченні рівня православної релігійності в Прикам'ї дослідник стикається з низкою проблем: складність вивчення в історичній ретроспективі, мультикультурність регіону, складність дослідження побутової релігійності як важливого показника. З цього випливає, що дослідження пермського православ'я має стати комплексним аналізом специфіки досліджуваного феномена.

Ключові слова: православ'я, регіон, РПЦ, пермське православ'я, конфесійна ідентичність, етнос, кількісні і якісні методи, включене спостереження, побутова релігійність.

Ryazanova Svetlana, Zubareva Ekaterina. Methods of Research of Russian Orthodox Church in Provinces: Problems and Perspectives

The article discusses and analyzes the existing methods of studying religion in the province. The object of the study was the Permian Orthodoxy. When studying level of Orthodox religiousness in Prikamye researcher faces a number of problems: the complexity of the study in historical retrospect, regional multiculturalism, the difficulty of the study of everyday religiosity as an important indicator. It follows from this that research of the Perm Orthodoxy has to become the complex analysis of various specifics of a studied phenomenon.

Key words: Orthodoxy, region, Russian Orthodox Church, Permian Orthodoxy, confessional identity, ethnos, quantitative and qualitative methods, participant observation, everyday religiosity.